

A close-up portrait of the Russian writer Vasiliy Shukshin, resting his chin on his hand. The entire image is overlaid with a semi-transparent red filter.

красная книга русской прозы

Василий Шукшин

Брат мой...

повести, рассказы

Василий Макарович Шукшин

Калина красная

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134920

Брат мой... : повести, рассказы / Василий Шукшин: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52036-7

Аннотация

«История эта началась в исправительно-трудовом лагере, севернее города Н., в местах прекрасных и строгих.

Был вечер после трудового дня.

Люди собрались в клубе...»

Василий Макарович Шукшин

Калина красная

История эта началась в исправительно-трудовом лагере, севернее города Н., в местах прекрасных и строгих.

Был вечер после трудового дня.

Люди собрались в клубе...

На сцену вышел широкоплечий мужчина с обветренным лицом и объявил:

– А сейчас хор бывших рецидивистов споет нам задумчивую песню «Вечерний звон»!

На сцену из-за кулисы стали выходить участники хора один за одним. Они стали так, что образовали две группы, большую и малую. Хористы все были далеко не «певучего» облика.

– В группе «бом-бом», – возвестил дальше широкоплечий и показал на большую группу, – участвуют те, у кого завтра оканчивается срок заключения. Это наша традиция, и мы ее храним.

Хор запел. То есть завели в малой группе, а в большой нагнули головы и в нужный момент ударили с чувством:

– Бом-м, бом-м...

В группе «бом-бом» мы видим и нашего героя – Егора Прокудина, сорокалетнего, стриженного. Он старался всерьез и, когда «звонили», морщил лоб и качал круглой крестьянской головой – чтобы похоже было, что звук колокола плывет и качается в вечернем воздухе.

Так закончился последний срок Егора Прокудина. Впереди – воля.

Утром, в кабинете у одного из начальников, произошел следующий разговор:

– Ну, расскажи, как думаешь жить, Прокудин? – спросил начальник. Он, видимо, много-много раз спрашивал это – больно уж слова его вышли какие-то готовые.

– Честно! – поторопился с ответом Егор, тоже, надо полагать, готовым, потому что ответ выскочил поразительно легко.

– Да это-то я понимаю... А как? Как ты это себе представляешь?

– Думаю заняться сельским хозяйством, гражданин начальник.

– Товарищ.

– А? – не понял Егор.

– Теперь для тебя все – товарищи, – напомнил начальник.

– А-а! – с удовольствием вспомнил Прокудин. И даже посмеялся своей забывчивости. – Да-да... Много будет товарищей!

– А что это тебя в сельское хозяйство-то потянуло? – искренне поинтересовался начальник.

– Так я же ведь крестьянин! Родом-то. Вообще люблю природу. Куплю корову...

– Корову? – удивился начальник.

– Корову. Вот с таким выем. – Егор показал руками.

– Корову надо не по вымю выбирать. Если она еще молодая, какое же у нее «вот такое» вымя? А то выберешь старую, у нее действительно вот такое вымя... Толку-то что? Корова должна быть... стройная.

– Так это что же тогда – по ногам? – сугодничал Егор вопросом.

– Что?

– Выбирать-то. По ногам, что ли?

– Да почему по ногам? По породе. Существуют породы – такая-то порода... Например, холмогорская... – Больше начальник не знал.

– Обожаю коров, – еще раз с силой сказал Егор. – Приведу ее в стойло... поставлю...

Начальник и Егор помолчали, глядя друг на друга.

– Корова – это хорошо, – согласился начальник. – Только... что ж, ты одной коровой и будешь заниматься? У тебя профессия-то есть какая-нибудь?

– У меня много профессий.

– Например?

Егор подумал, как если бы выбирал из множества своих профессий наименее... как бы это сказать – меньше всего пригодную для воровских целей.

– Слесарь...

Зазвонил телефон. Начальник взял трубку.

– Да. Да. А какой урок-то был? Тема-то какая? «Евгений Онегин»? Так, а насчет кого они вопросы-то стали задавать? Татьяны? А что им там непонятно в Татьяне? Что, говорю, им там... – Начальник некоторое время слушал тонкий крикливый голос в трубке, укоризненно смотрел при этом на Егора и чуть кивал головой: мол, все ясно. – Пусть... Слушай сюда: пусть они там демагогией не занимаются! Что значит – будут дети, не будут дети?!... Про это, что ли, поэма написана! А то я им приду объясню! Ты им... Ладно, счас Николаев придет к вам. – Начальник положил трубку и взял другую. Пока набирал номер, недовольно проговорил: – Доценты мне... Николаев? Там у учительницы литературы урок сорвали: начали вопросы задавать. А? «Евгений Онегин». Да не насчет Онегина, а насчет Татьяны: будут у нее дети от старика или не будут? Иди разберись. Давай. Во, доценты, понимаешь! – сказал начальник, кладя трубку. – Вопросы начали задавать.

Егор посмеялся, представив этот урок литературы.

– Хотят знать...

– У тебя жена-то есть? – спросил начальник строго.

Егор вынул из нагрудного кармана фотографию и подал начальнику. Тот взял, посмотрел.

– Это твоя жена? – спросил он, не скрывая удивления. На фотографии была довольно красивая молодая женщина, добрая и ясная.

– Будущая, – сказал Егор. Ему не понравилось, что начальник удивился. – Ждет меня. Но живую я ее ни разу не видел.

– Как это?

– Заочница. – Егор потянулся, взял фотографию. – Позвольте. – И сам засмотрелся на милое русское простое лицо. – Байкалова Любовь Федоровна. Какая доверчивость на лице, а! Это удивительно, правда? На кассира похожа.

– И что она пишет?

– Пишет, что беду мою всю понимает... Но, говорит, не понимаю, как ты додумался в тюрьму угодить? Хорошие письма. Покой от них... Муж был пьянчуга – выгнала. А на людей все равно не обозлилась.

– А ты понимаешь, на что идешь? – негромко и серьезно спросил начальник.

– Понимаю, – тоже негромко сказал Егор и спрятал фотографию.

– Во-первых, оденься как следует. Куда ты такой... Ванька с Пресни заявишься. – Начальник недовольно оглядел Егора. – Что это за... почему так одет-то?

Егор был в сапогах, в рубаше-косоворотке, в фуфайке и каком-то форменном картузе – не то сельский шофер, не то слесарь-сантехник, с легким намеком на участие в художественной самодеятельности.

Егор мельком оглядел себя, усмехнулся.

– Так надо было по роли. А потом уже не успел переодеться.

– Артисты... – только и сказал начальник и засмеялся.

Он был не злой человек, и его так и не перестали изумлять люди, изобретательность которых не знает пределов.

И вот она – воля!

Это значит – захлопнулась за Егором дверь, и он очутился на улице небольшого поселка. Он вздохнул всей грудью весеннего воздуха, зажмурился и покрутил головой. Прошел немного и прислонился к забору. Мимо шла какая-то старушка с сумочкой, остановилась.

– Вам плохо?

– Мне хорошо, мать, – сказал Егор. – Хорошо, что я весной сел. Надо всегда весной садиться.

– Куда садиться? – не поняла старушка.

– В тюрьму.

Старушка только теперь сообразила, с кем говорит. Опасливо отстранилась и посеменила дальше. Посмотрела еще на забор, мимо которого шла. Опять оглянулась на Егора.

А Егор поднял руку навстречу «Волге». «Волга» остановилась. Егор стал договариваться с шофером. Шофер сперва не соглашался везти, Егор достал из кармана пачку денег, показал... и пошел садиться рядом с шофером.

В это время к ним подошла старушка, которая проявила участие к Егору, – не поленилась перейти улицу.

– Я прошу извинить меня, – заговорила она, склоняясь к Егору. – А почему именно весной?

– Садиться-то? Так весной сядешь – весной и выйдешь. Воля и весна! Чего еще человеку надо? – Егор улыбнулся старушке и продекламировал: – Май мой синий! Июнь голубой!

– Вон как!.. – Старушка изумилась. Выпрямилась и глядела на Егора, как глядят в городе на коня – туда же, по улице идет, где машины. У старушки было румяное, морщинистое личико и ясные глаза. Она, сама того не ведая, доставила Егору приятнейшую, дорогую минуту.

«Волга» поехала.

Старушка некоторое время смотрела вслед ей.

– Скажите... Поэт нашелся. Фет.

А Егор весь отдался движению.

Кончился поселок, выскочили на простор.

– Нет ли у тебя какой музыки? – спросил Егор.

Шофер, молодой парень, достал одной рукой из-за спины транзисторный магнитофон.

– Включи. Крайняя клавиша...

Егор включил какую-то славную музыку. Откинулся головой на сиденье, закрыл глаза. Долго он ждал такого часа. Заждался.

– Рад? – спросил шофер.

– Рад? – очнулся Егор. – Рад... – Он точно на вкус попробовал это словцо. – Видишь ли, малыш, если бы я жил три жизни, я бы одну просидел в тюрьме, другую отдал тебе, а третью – прожил бы сам, как хочу. Но так как она у меня всего одна, то сейчас я, конечно, рад. А ты умеешь радоваться? – Егор от полноты чувства мог иногда взбежать повыше – где обитают слова красивые и пустые. – Умеешь, нет?

Шофер пожал плечами, ничего не ответил.

– Э-э, тухлое твоё дело, сынок, – не умеешь.

– А чего радоваться-то?

Егор вдруг стал серьезным. Задумался. С ним это бывало – вдруг ни с того ни с сего задумается.

– А? – спросил Егор из каких-то своих мыслей.

– Чего, говорю, шибко радоваться-то? – Шофер был парень трезвый и занудливый.

– Ну, это я, брат, не знаю – чего радоваться, – заговорил Егор, с неохотой возвращаясь из своего далекого далека. – Умеешь – радуйся, не умеешь – сиди так. Тут не спрашивают. Стихи, например, любишь?

Парень опять неопределенно пожал плечами.

– Вот видишь, – с сожалением сказал Егор, – а ты радоваться собрался.

– Я и не собирался радоваться.

– Стихи надо любить, – решительно закруглил Егор этот вялый разговор. – Слушай, какие стихи бывают. – И Егор начал читать – с пропуском, правда, потому что подзабыл.

...в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу!

Город, город!
Ты в схватке жестокий
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске...

какой-то... Тут подзабыл малость.

Телеграфными столбами дивясь...

Тут опять забыл. Дальше:

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты – я, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты – я всегда наготове.
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...

Все же песню отмщенья за гибель
Пропоеют мне на том берегу.

Егор, сам оглушенный силой слов, некоторое время сидел, стиснув зубы, глядел вперед. И была в его взгляде, сосредоточенном, устремленном вдаль, решимость, точно и сам он бросил прямой вызов кому-то и не страшился ни тогда, ни теперь.

– Как стихи? – спросил Егор.

– Хорошие стихи.

– Хорошие. Как стакан спирту дернул, – сказал Егор. – А ты: не люблю стихи. Молодой еще, надо всем интересоваться. Останови-ка... я своих подружек встретил.

Шофер не понял, каких он подружек встретил, но остановился.

Егор вышел из машины... Вокруг был сплошной березовый лес. И такой это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!.. Егор прислонился к березке, огляделся кругом.

– Ну, ты глянь, что делается! – сказал он с тихим восторгом. Повернулся к березке, погладил ее ладонью. – Здорово! Ишь ты какая... Невеста какая. Жениха ждешь? Скоро уж, скоро. – Егор быстро вернулся к машине. Все теперь было понятно. Нужен выход какой-нибудь. И скорее. Немедленно.

– Жми, малыш, на весь костыль. А то у меня сердце сейчас из груди выпрыгнет: надо что-то сделать. Ты спиртного с собой не возишь?

– Откуда!

– Ну, тогда рули. Сколько стоит твой музыкальный ящик?

– Двести.

– Беру за триста. Он мне понравился.

В областном городе, на окраине, Егор велел остановиться, не доезжая того дома, где должны быть свои люди. Щедро расплатился с шофером, взял музыкальный ящик и дворами, сложно, пошел «на хату».

«Малина» была в сборе.

Сидела приятная молодая женщина с гитарой. Сидел около телефона некий здоровый лоб, похожий на бульдога, упорно смотрел на телефон. Сидели четыре девицы с голыми ногами... Ходил по комнате рослый молодой парень, поглядывал на телефон... Сидел в кресле Губошлеп с темными зубами, потягивал из фужера шампанское... Еще человек пять-шесть молодых парней сидели кто где – курили или просто так.

Комната была драная, гадкая. Синенькие какие-то обои, захватанные и тоже драные, совсем уж нехватали напоминать цветом своим весеннее небо, и от этого вовсе нехорошо было в этом вонючем сокрытом мирке, тяжело. Про такие обиталища говорят, обижая зверей, – логово.

Все сидели в каком-то странном оцепенении. Время от времени поглядывали на телефон. Напряжение чувствовалось во всем. Только скуластенькая молодая женщина чуть перебирала струны и негромко, красиво пела, хрипловато, но очень душевно:

Калина красная,
Калина вызрела,
Я у залеточки
Характер вызнала.

Характер вызнала.
Характер – ой какой,

Я не уважила,
А он пошел к другой...

А я...

Во входную дверь негромко постучали условным стуком. Все сидящие дернулись, как от вскрика.

– Цыть! – сказал Губошлеп. И весело посмотрел на всех. – Нервы, – еще сказал Губошлеп. И взглядом послал одного открыть дверь.

Пошел рослый парень.

– Чепочка, – сказал Губошлеп. И сунул руку в карман. И ждал.

Рослый парень, не скидывая дверной цепочки, приоткрыл дверь... И поспешно скинул цепочку, оглянулся на всех...

Дверь закрылась.

И вдруг за дверью грянул марш. Егор пинком открыл ее и вошел под марш. На него зашикали и повскакали с мест. Егор выключил магнитофон, удивленно огляделся.

К нему подходили, здоровались... Но старались не шуметь.

– Привет, Горе. (Такова была кличка Егора – Горе.)

– Здорово.

– Отпыхтел?

Егор подавал руку, но все не мог понять, что здесь такое. Много было знакомых, а были не просто знакомые – была тут Люсьен (скуластенькая), был, наконец, Губошлеп – их Егор рад был видеть. Но что они?

– А чего вы такие все?

– Ларек наши берут, – пояснил один, здороваясь. – Должны звонить... Ждем.

Очень обрадовалась Егору скуластенькая женщина. Она повисла у него на шее... И всего исцеловала. Глаза ее, чуть влажные, прямо сияли от неподдельной радости.

– Горе ты мое!.. Я тебя сегодня во сне видела...

– Ну-ну, – говорил счастливый Егор. – И что я во сне делал?

– Обнимал меня. Крепко-крепко.

– А ты ни с кем меня не спутала?

– Горе!..

– А ну, повернись-ка, сынку! – сказал Губошлеп. – Экий ты какой стал!

Егор подошел к Губошлепу, они сдержанно обнялись. Губошлеп так и не встал. Весело смотрел на Егора.

– Я вспоминаю один весенний вечер... – заговорил Губошлеп. И все стихли. – В воздухе было немножко сыро, на вокзале – сотни людей. От чемоданов рябит в глазах. Все люди взволнованы – все хотят уехать. И среди этих взволнованных, нервных сидел один... Сидел он на своем деревенском сундуке и думал горькую думу. К нему подошел некий изящный молодой человек и спросил: «Что пригорюнился, добрый молодец?» – «Да вот... горе у меня! Один на земле остался, не знаю, куда деваться». Тогда молодой человек...

Зазвонил телефон. Всех опять как током дернуло.

– Да? – вроде как безразлично спросил парень, похожий на бульдога. И долго слушал. И кивал. – Все сидим здесь. Я не отхожу от телефона. Все здесь, Горе пришел... Да. Только что. Ждем. Ждем. – Похожий на бульдога положил трубку и повернулся ко всем. – Начали.

Все пришли в нервное движение.

– Шампанзе! – велел Губошлеп.

Бутылки с шампанским пошли по рукам.

– Что за ларек? – спросил Егор Губошлепа.

– Кусков на восемь, – сказал тот. – Твое здоровье!

Выпили.

– Люсьен... Что-нибудь... снять напряжение, – попросил Губошлеп. Он был худой, спокойный и чрезвычайно наглый, глаза очень наглые.

– Я буду петь про любовь, – сказала приятная Люсьен. И тряхнула крашеной головой, и с маху положила ладонь на струны. И все стихли.

Тары-бары-растабары,
Чары-чары...
Очи-ночь.
Кто не весел,
Кто в печали —
Уходите прочь!
Во лугах, под покровом ночи,
Счастье даром раздают!
Очи, очи...
Сердце хочет:
Поманите – я пойду!
Тары-бары-растабары...

Опять зазвонил телефон. Вмиг повисла гробовая тишина.

– Да? – изо всех сил спокойно сказал Бульдэг в трубку. – Нет, вы ошиблись номером. Ничего, пожалуйста. Бывает, бывает. – Бульдэг положил трубку. – В прачечную звонит, сука.

Все пришли в движение.

– Шампанзе! – опять велел Губошлеп. – Горе, от кого поклоны принес?

– Потом, – сказал Егор. – Дай я сперва нагляжусь на вас. Вот, вишь, тут молодые люди незнакомые... Ну-ка, я познакомлюсь.

Молодые люди по второму разу, с почтением подавали руки. Егор внимательно, с усмешкой заглядывал им в глаза. И кивал головой и говорил: «Так, так».

– Хочу плясать! – заявила Люсьен. И трахнула фужер об пол.

– Ша, Люсьен, – сказал Губошлеп. – Не заводись.

– Иди ты к дьяволу! – сказала подпившая Люсьен. – Горе, наш коронный номер!

И Егор тоже с силой бросил свой фужер.

И у него тоже заблестели глаза.

– Ну-ка, молодые люди, дайте круг. Брысь!

– Ша, Горе! – повысил голос Губошлеп. – Выбрали время!

– Да мы же услышим звонок! – заговорили со всех сторон Губошлепу. – Пусть сбaceaют.

– Чего ты? Пусть выйдут!

– Бульдэг же сидит на телефоне.

Губошлеп вынул платочек и хоть запоздало, но важно, как Пугачев, махнул им.

Две гитары дернули «Барыню».

Пошла Люсьен... Ах, как она плясала! Она умела. Не размашисто, нет, а четко, легко, с большим тактом. Вроде вколачивала каблучками в гроб свою калеку-жизнь, а сама, как птица, била крыльями – чтоб отлететь. Много она вкладывала в пляску. Она даже красивой вдруг сделалась, родной и милой... Егор, когда Люсьен подступала к нему, начинал тоже и работал только ногами. Руки заложены за спину, ничего вроде особенного, не прыгал козлом – а тоже хорошо. Хорошо у них выходило. Таилось что-то за этой пляской – неизжитое, незабытое.

– Вот какой минуты ждала моя многострадальная душа, – сказал Егор вполне серьезно. Такой, верно, ждалась ему желанная воля.

– Подожди, Егорушка, я еще не так успокою твою душу, – откликнулась Люсьен. – Ах как я ее успокою! И сама успокоюсь.

– Успокой, Люсьен. А то она плачет.

– Успокою. Я прижму ее к сердцу, голубку, скажу ей: «Устала? Милая... милая... добрая... Устала».

– Смотри, не клюнула бы эта голубка, – встрял в этот деланный разговор Губошлеп. – А то клюнет.

– Нет, она не злая, – серьезно сказал Егор, не глядя на Губошлепа. И жесткость легла тенью на его доброе лицо. Но плясать они не перестали, они плясали. На них хотелось без конца смотреть, и молодые люди смотрели, с какой-то тревогой смотрели, жадно, как будто заколачивалась в гроб некая отвратительная часть и их жизни тоже – можно потом выйти на белый свет, а там – весна.

– Она устала в клетке, – сказала Люсьен нежно.

– Она плачет, – сказал Егор. – Нужен праздник.

– По темечку ее... Прутиком, – сказал Губошлеп. – Она успокоится.

– Какие люди, Егорушка! А? – воскликнула Люсьен. – Какие злые!

– Ну, на злых, Люсьен, мы сами – волки. Но душа-то, душа-то... Плачет.

– Успокоим, Егорушка, успокоим. Я же волшебница, я все чары свои пушу в ход...

– Из голубей похлебка хорошая, – сказал ехидный Губошлеп. Весь он, худой, как нож, собранный, страшный своей молодой ненужностью, весь он ушел в свои глаза. Глаза горели злобой.

– Нет, она плачет! – остервенело сказал Егор. – Плачет! Тесно ей там – плачет! – Он рванул рубаху... И стал против Губошлепа. Гитары смолкли. И смолк перепляс волшебницы Люсьен.

Губошлеп держал уже руку в кармане.

– Опять ты за старое, Горе? – спросил он, удовлетворенный.

– Я тебе, наверно, последний раз говорю, – спокойно тоже и устало сказал Егор, застегивая рубаху. – Не тронь меня за болячку... Когда-нибудь ты не успеешь сунуть руку в карман. Я тебе сказал.

– Я слышал.

– Эх-х!.. – огорчилась Люсьен. – Скука... Опять покойники, кровь... Бр-р... Налей-ка мне шампанского, дружок.

Зазвонил телефон. Про него как-то забыли все.

Бульдог кинулся к аппарату, схватил трубку... Поднес к уху, и она обожгла его. Он бросил ее на рычажки.

Первым вскочил с места Губошлеп. Он был стремительный человек. Но все же он был спокоен.

– Сгорели, – коротко и ужасно сказал Бульдог.

– По одному – кто куда, – скомандовал Губошлеп. – Всею. На две недели все умерли. Время!

Стали исчезать по одному. Исчезать они, как видно, умели. Никто ничего не спрашивал.

– Ни одной пары! – еще сказал Губошлеп. – Сбор у Ивана. Не раньше десяти дней.

Егор сел к столу, налил фужер шампанского, выпил.

– Ты что, Горе? – спросил Губошлеп.

– Я?... – Егор помедлил в задумчивости. – Я, кажется, действительно займусь сельским хозяйством.

Люсьен и Губошлеп стояли над ним в недоумении.

– Каким сельским хозяйством?

– Уходить надо, чего ты сел?! – встряхнула его Люсьен.

Егор очнулся. Встал.

– Уходить? Опять уходить... Когда же я буду приходить, граждане? А где мой славный ящичек?.. А, вот он. Обязательно надо уходить? Может...

– Что ты! Через десять минут здесь будут. Наверно, выследили.

Люсьен пошла к выходу.

Егор двинулся было за ней, но Губошлеп мягко остановил его за плечо. И мягко сказал:

– Не надо. Погорим. Мы скоро все увидимся...

– А ты с ней пойдешь? – прямо спросил Егор.

– Нет, – твердо и, похоже, честно сказал Губошлеп. – Иди! – резко крикнул он Люсьен, которая задержалась в дверях.

Люсьен недобро глянула на Губошлепа и вышла.

– Отдохни где-нибудь, – сказал Губошлеп, наливая в два фужера. – Отдохни, дружок, – хоть к Кольке Королё, хоть к Ваньке Самыкину, у него уголок хороший. А меня прости за... сегодняшнее. Но... Горе ты мое, Горе, ты же мне тоже на болячку жмешь, только не замечаешь. Давай. Со встречей. И – до свиданья пока. Не горюй. Гроши есть?

– Есть. Мне там собрали...

– А то могу подкинуть.

– Давай, – передумал Егор.

Губошлеп вытащил из кармана и дал сколько-то Егору. Пачку.

– Где будешь?

– Не знаю. Найду кого-нибудь. Как же вы так – завалились-то?..

В это время в комнату скользнул один из молодых, белый от испуга.

– Квартал окружили, – сказал он.

– А ты что?

– Я не знаю куда... Я вам сказать.

– Сам прет на рога, – засмеялся Губошлеп. – Чего ж ты опять сюда-то? Ах, милый ты мой, теленочек мой... За мной, братики!

Они вышли каким-то черным ходом и направились было вдоль стены в сторону улицы, но оттуда, с той стороны, послышались крепкие шаги патруля. Они – в другую сторону, но и оттуда раздалась тоже шаги...

– Так, – сказал Губошлеп, не утрачивая своей загадочной веселости. – Что-то паленым пахнет. А, Егор? Чуешь?

– Ну-ка, сюда! – Егор втолкнул своих спутников в какую-то нишу.

Шаги с обеих сторон приближались...

И в одном месте, справа, по стене прыгнул лучик сильного карманного фонаря.

Губошлеп вынул из кармана наган...

– Брось, дура! – резко и зло сказал Егор. – Психопат. Может, те не расколются... А ты тут стрельбу откроешь.

– Та знаю я их! – нервно воскликнул Губошлеп. Вот сейчас, вот тут он, пожалуй, утратил свое спокойствие.

– Вот я сейчас рвану – уведу их. У меня справка об освобождении, – заговорил Егор быстро, выискивая глазами – в какую сторону рвануть. – Справка помечена сегодняшним числом... Я прикрытый. Догонят – скажу: испугался. Скажу: бабенку искал, услышал свистки – испугался сдуру... Все. Не поминайте лихом!

И Егор ринулся от них... И побежал направо. Тотчас со всех сторон раздалась свистки и топот ног.

Егор бежал с каким-то азартом, молодо... Бежал, да еще и приговаривал себе, подпевал. Увидел просвет, кинулся туда, полез через какие-то трубы и победно спел:

– Оп, тирдарпупия! Ничего я не видал, ох, никого не знаю!..

Он уже перебрался через трубы... Сзади в темноте, совсем близко, бежали. Егор юркнул в широкую трубу и замер.

Над ним загрохотали железные шаги...

Егор сидел, скрючившись, и довольно улыбался. И шептал:

– Д-ничего я не видал, д-никого не знаю.

Он затеял какую-то опасную игру. Когда гул железный прекратился и можно было пересидеть тут и вовсе, он вдруг опять снялся с места и опять побежал.

За ним опять устремились.

– Эх, ничего я не видал, ох, никого не знаю! Д-никого не знаю! – подбадривал себя Егор. Маханул через какую-то высокую изгородь, побежал по кустам – похоже, попал в какой-то сад. Близко взлаяла собака. Егор кинулся вбок... Опять изгородь, он перепрыгнул и очутился на кладбище.

– Привет! – сказал Егор. И пошел тихо.

А шум погони устремился дальше – в сторону.

– Ну надо же, сбежал! – изумился Егор. – Всегда бы так, елки зеленые. А то ведь, когда хочешь подорвать, попадаешься, как ребенок.

И опять охватила Егора радость воли, радость жизни.

– Ох, д-ничего ж я не видал, д-никого не знаю, – еще разок спел Егор. И включил свой славный ящик на малую громкость. И пошел читать надписи на надгробиях. Кладбище огибала улица, и свет фар надолго освещал кресты, пока машина огибала угол. И тени от крестов, длинные, уродливые, плыли по земле, по холмикам, по оградкам... Жутковатая, в общем-то, картина. А тут еще музыка Егорова вовсе как-то нелепо. Егор выключил музыку.

– «Спи спокойно до светлого утра», – успевал прочитывать Егор. – «Купец первой гильдии Неверов»... А ты-то как здесь?! – удивился Егор. – Тыща восемьсот девяносто... А-а, ты уже давно. Ну-ну, купец первой гильдии... «Едут с товарами в путь из Касимова...» – запел было негромко Егор, но спохватился. – «Дорогому, незабвенному мужу от неутешной вдовы», – прочитал он дальше. Присел на скамеечку, посидел некоторое время... Встал. – Ну, ладно, ребята, вы лежите, а я пойду. Ничего не сделаешь... Пойду себе, как честный фраер: где-то же надо, в конце концов, приткнуть голову. Надо же? Надо. – И все же спел еще разок: – Д-ничего ж я не видал, д-никого ж не зна-аю.

И стал он искать, куда бы приткнуться.

У двери деревянного домика на самой окраине из сеней ему сурово сказали:

– Иди отсюда! А то я те выйду, покажу горе... Горе покажу и страдание.

Егор помолчал немного.

– Ну, выйди.

– И выйду!

– Выйдешь... Ты мне скажи: Нинка здесь или нет? – по-доброму спросил Егор мужика за дверью. – Только правду! А то ведь я узнаю... И строго накажу, если обманешь.

Мужик тоже помолчал. И тоже сменил тон, сказал дерзко, но хоть не так зло:

– Никакой здесь Нинки нет, тебе говорят! Неужели не понятно? Шляются тут по ночам-то.

– Поджечь, что ли, вас? – вслух подумал Егор. И брякнул спичками в кармане. – А?

За дверью долго молчали.

– Попробуй, – сказал наконец голос. Но уже вовсе не грозно. – Попробуй подожги. Нет Нинки, я те серьезно говорю. Уехала она.

– Куда?

- На Север куда-то.
- А чего ты лаяться кинулся? Неужели трудно было сразу объяснить?
- А потому что меня зло берет на вас! Из-за таких вот и уехала... С такими же вот.
- Ну, считай, что она в надежных руках – не пропадет. Будь здоров!

В телефонной будке Егор тоже рассердился.

– Почему нельзя-то?! Почему? – орал он в трубку.

Ему что-то долго объясняли.

– Заразы вы все, – с дрожью в голосе сказал Егор. – Я из вас букет сделаю, суки: головками вниз посажу в клумбу... Ну, твари! – Егор бросил трубку... И задумался. – Люба, – произнес он с дурашливой нежностью. – Все. Еду к Любе. – И он зло саданул дверью будки и пошагал к вокзалу. И говорил дорогой: – Ах ты, лапушка ты моя! Любушка-голубушка... Оладушек ты мой сибирский! Я хоть отъежусь около тебя... Хоть волосы отрастут. Дорогуша ты моя сдобная! – Егор все набирал и набирал какого-то остервенения. – Съем я тебя поеду! – закричал он в тишину, в ночь. И даже не оглянулся посмотреть – не потревожил ли кого своим криком. Шаги его громко отдавались в пустой улице; подморозило на ночь, асфальт звенел. – Задушу в объятиях!.. Разорву и схаваяю! И запью самогонкой. Все!

И вот районный автобус привез Егора в село Ясное. А Егора на взгорке стояла и ждала Люба. Егор сразу увидел и узнал ее. В сердце толкнуло – она! И пошел к ней.

– Е-моё, – говорил он себе негромко, изумленный, – да она просто красавица! Просто зоренька ясная. Колобок просто... Красная шапочка...

– Здравствуйте, – сказал он вежливо и наигранно застенчиво. И подал руку. – Георгий. – И пожал с чувством крепкую крестьянскую руку. И – на всякий случай – потряхнул ее, тоже с чувством.

– Люба. – Женщина просто и как-то задумчиво глядела на Егора. Молчала. Егору от ее взгляда сделалось беспокойно.

– Это я, – сказал он. И почувствовал себя очень глупо.

– А это – я, – сказала Люба. И все смотрела на него спокойно и задумчиво.

– Я некрасивый, – зачем-то сказал Егор.

Люба засмеялась.

– Пойдем-ка посидим пока в чайной, – сказала она. – Расскажи про себя, что ли...

– Я непьющий, – поспешил Егор.

– Ой ли? – искренне удивилась Люба. И очень как-то просто у нее это получилось, естественно. Егора простота эта сбила с толку.

– Нет, я, конечно, могу поддержать компанию, но... это... не так, чтоб засандалить там... Я очень умеренный.

– Да мы чайку выпьем, и все. Расскажешь про себя маленько. – Люба все смотрела на своего заочника... И так странно смотрела, точно над собой же и подсмеивалась в душе, точно говорила себе, изумленная своим поступком: «Ну не дура ли я? Что затеяла-то?» Но женщина она, видно, самостоятельная: и смеется над собой, а делает, что хочет. – Пойдем... Расскажи. А то у меня мать с отцом строгие, говорят: и не заявляйся сюда со своим арестантом. – Люба шла несколько впереди и, говоря это, оглядывалась, и вид у нее был спокойный и веселый. – А я им говорю: да он арестант-то по случайности. По несчастью. Верно же?

Егор при известии, что у нее родители, да еще строгие, заскучал. Но виду не подал.

– Да-да, – сказал он «интеллигентно». – Стечение обстоятельств, громадная невезуха...

– Вот и я говорю.

– У вас родители – кержаки?

– Нет. Почему ты так решил?

– Строгие-то... Попрут еще. Я, например, курю.

– Господи, у меня отец сам курит. Брат, правда, не курит...

– И брат есть?

– Есть. У нас семья большая. У брата двое детей большие уже: один в институте учится, другая десятилетку заканчивает.

– Все учатся... Это хорошо, – похвалил Егор. – Молодцы. – Но, однако, ему кисло сделалось от такой родни.

Зашли в чайную. Сели в углу за столик. В чайной былолюдно, беспрестанно входили и выходили... И все с интересом разглядывали Егора. От этого тоже было неловко, неуютно.

– Может, мы возьмем бутылочку да пойдем куда-нибудь? – предложил Егор.

– Зачем? Здесь вон как славно... Нюра, Нюр! – позвала Люба девушку. – Принеси нам, голубушка... Чего принести-то? – повернулась к Егору.

– Красненького, – сказал Егор, снисходительно поморщившись. – У меня от водки изжога.

– Красненького, Нюр! – Загадочное впечатление производила Люба: она точно играла какую-то умную игру, играла спокойно, весело и с любопытством всматривалась в Егора: разгадал тот или нет, что это за игра?

– Ну, Георгий... – начала она, – Расскажи, значит, про себя.

– Прямо как на допросе, – сказал Егор и мелко посмеялся. Но Люба его не поддержала, и Егор посерьезнел.

– Ну, что рассказывать? Я бухгалтер, работал в ОРСе, начальство, конечно, воровало... Тут – бах! – ревизия. И мне намотали... Мне, естественно, пришлось отдуваться. Слушай, – тоже перешел он на «ты», – давай уйдем отсюда: они смотрят, как эти...

– Да пусть смотрят! Чего они тебе? Ты же не сбежал.

– Вот справка! – воскликнул Егор. И полез было в карман.

– Я верю, верю, господи! Я так, к слову. Ну, ну? И сколько же ты сидел?

– Пять.

– Ну?

– Все... А что еще?

– Это с такими ручищами ты – бухгалтер? Даже не верится.

– Что? Руки?... А-а. Так это я их уже там натренировал... – Егор потянул руки со стола.

– Такими руками только замки ломать, а не на счетах... – Люба засмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.